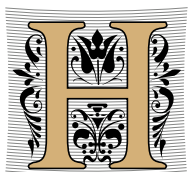

Исторический вестник. 2022. Т. XLI
DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.008

Ю.М. Кобищанов

ТЕОРИЯ БОЛЬШОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

Нелегко изложить на немногих страницах эту теорию, исследующую исторический процесс на протяжении многих тысячелетий и на пространстве большей части ойкумены. Когда эта теория выдвигалась мною в 1956–1957 гг., те, кто с ней знакомился, были шокированы выводами, что 1) нигде и никогда не существовало ни рабовладельческой, ни «азиатской» формации; 2) начало феодализма в некоторых регионах относится по крайней мере к V–IV тыс. до н. э., а его конец мы наблюдаем в наши дни; 3) не Европа, а Восток (в широком смысле) дает основной исторический материал и является нормой исторического развития феодализма; 4) советское общество при Сталине было, в сущности, нефеодальным. Последний вывод не предназначался для печати или публичных выступлений, однако сам собою вытекал из характеристик теории большой феодальной формации. Позднее добавился вывод о феодальном (либо нефеодальном) содержании «некапиталистического» пути развития и «социалистической ориентации» в афро-азиатском мире.

Эти выводы в глазах специалистов как бы заслоняли собой собственно теорию большой феодальной формации, ее отличие от неомарксистских теорий (наиболее известной из которых является теория

азиатского способа производства), а также от тогдашнего официально-го понимания исторического материализма. Но уже в 60-е гг. постоянно совершенствовавшаяся теория большой феодальной формации стала отличаться и от бывшего истмата, и от теории азиатского способа производства, и от различных эклектических концепций (например, В.И. Илюшечкина) своей оценкой всем привычных терминов — феодализм, собственность, владение, рента, рабы, крестьянство, община, цивилизация — и введением некоторых новых, своим построением (не совпадающим с линейностью истматовских конструкций типа «базис — надстройка»), комплексным методом исследования (родоначальником которого был М. Мосс, а также ряд русских и западных крестьяноведов). Критики теории большой феодальной формации игнорировали тот факт, что истматовские термины приобрели в ней расширенное содержание, и не признали внутреннюю логику уточненных новых терминов, таких как протокрестьянство, кастовое крестьянство, структуры общинного типа, общинно-кастовые и общинно-кастово-племенные системы, протоцивилизации, ранние цивилизации, ассоциированные цивилизации и др.

Феодализм

Феодальная общественно-историческая формация мыслится в целом двояко. Во-первых, каждое из феодальных обществ состоит из социальных комплексов с определенными экономическими, политическими, религиозными и другими функциями¹; в другой плоскости существуют экономическая, политическая, морально-правовая, идеологическая сферы функционирования. Они вычленяются условно, поскольку для феодальной, равно как и для первобытной, формации характерна первичная нерасчлененность функций. Во всяком феодальном обществе существовала более или менее развитая система права и морали. В частности, в мусульманских султанатах ее составляли шариат (каноническое право, основанное на Коране, сунне, мнениях знаменитых мусульманских правоведов и суждениях по аналогии) и адат (разнообразные местные обычно-правовые нормы), а также указы правителя, которые в идеале должны были строго соответствовать шариату, по здравому же смыслу — не противоречить наиболее распространенным нормам

¹ Африканская деревня вчера и сегодня. М.: Наука, 1987. С. 53–60.

обычного права, но на практике в чем-то их ограничивали или дополняли. Порой указы правителя не вполне соответствовали и традиционной морали. И все же если они не отменялись, то интегрировались в систему права и морали. Вместе с тем шариат составлял часть официальной религии, адат был тесно связан с народной религией и моралью, а указы правителя становились политическими актами.

Шариат, адат и указы правителя нередко затрагивают экономические вопросы и переплетаются с экономической сферой жизни общества. И все же, как бы ни была велика слитность права, морали и религии с феодальной экономикой, они не тождественны. Экономические отношения лишь приблизительно передавались правовыми и другими неэкономическими нормами: экономические отношения владения — не то же самое, что права владения, хотя между ними и существует взаимная связь. Такое смешение понятий — одна из болевых точек исторической науки, причем не только советской и даже не только марксистской. Мало кто, рассуждая о феодальной собственности, избежал смешения правовых категорий с реальными экономическими отношениями. Целые главы в добротных монографиях написаны в безуспешной попытке доказать, что такие-то и такие-то юридические документы или же описанные в источниках ситуации свидетельствуют о наличии либо отсутствии частной собственности на землю и другие средства производства. Это — глубоко неверный путь. Правильнее будет проследить, насколько возможно, нюансы в пестрой картине прав владения, с одной стороны, состояния экономики — с другой, что позволит прикоснуться к пульсу древней жизни, далекой от современной.

Во-вторых, большая феодальная формация существовала и как динамичный пространственно-временной исторический феномен. Его представляло собой каждое из феодальных обществ и государств. Римское общество и Римская империя — это не только город Рим с его пригородами и округой и даже не только Италия, но и провинции, за счет которых (или главным образом за счет эксплуатируемого крестьянства которых) жил Вечный город и функционировала империя. Вместе с тем общества и государства при феодализме все вместе тоже составляли подвижный пространственно-временной феномен, внутренне связанный движением культурной информации, политическими союзами и мирными договорами, морской и караванной торговлей. Древнегреческие города-государства Ионии, а также Афины и Коринф, равно как финикийские города-государства середины V в. до н. э., неправомерно изучать, абстрагируясь от их разнообраз-

ных связей с крестьянскими обществами Малой Азии, Сирии, речных долин Элады.

Когда на Древнем Востоке и в Причерноморье (в Добрудже и на землях будущей Украины) образовались протоцивилизации, а затем и цивилизации, здесь формировались раннефеодальные общества; большая же часть ойкумены оставалась первобытно-общинной. Затем в древних очагах цивилизаций — вплоть до китайского на Востоке и карфагенского на Западе — феодализм достиг зрелости, а на периферии этих очагов образовались раннефеодальные общества. Эту периферию и их общества сторонники традиционного истмата условно называют «варварскими». Периодически периферия устремлялась в очаги цивилизаций, отчего они почти угасали, но затем вновь разгорались. За этим следовала экспансия феодализма, все более зрелого, на периферию.

Ко времени эпохи Великих географических открытий лишь немногие окраины ойкумены (часть Сибири и Дальнего Востока, Новая Гвинея, Австралия, Тасмания, юг Африки, часть Восточной Африки, периферийные районы Америки, некоторые внутренние районы Азии) еще сохранили повсеместно господствовавший некогда первобытно-общинный мир. В XVI в. феодальная система стала мировой, поскольку пиренейские королевства захватили государства Нового Света вместе с частью их первобытной периферии, а также некоторые государства Африки, Австронезии и ряд прежде необитаемых архипелагов (не говоря уже о многих давно являвшихся феодальными древних цивилизованных странах Азии и Европы). В последующие века в Западной Европе начала формироваться капиталистическая формация. Феодальные же общества Восточной и Юго-Восточной Европы, Азии, Африки, Океании, Центральной и Южной Америки образовали феодально-колониальную периферию капиталистического (феодально-капиталистического) общества.

Феодальную формацию можно рассматривать и как пространственно-временное явление, где составные части — отдельные цивилизации. Эти цивилизации имеют синхронные связи, сосуществуя, либо диахронные связи, сменяя одна другую. Цивилизации создаются движением культурной информации. Каждая цивилизация — это историко-культурная общность народов, находящихся на достаточно высоком уровне культурного и социального развития². Общества и государства внутри каждой из цивилизаций имеют более многообразные и тесные связи, чем принадлежащие к разным цивилизациям.

² Африка: культурное наследие и современность. М.: Наука, 1985. С. 73 сл.

Все ныне существующие цивилизации, кроме новой западной, возникли внутри феодальной формации из протоцивилизаций, характерных для начальных стадий феодализма, или на основе других, погибших либо дезинтегрированных цивилизаций. Протоцивилизация отличается от зрелой или даже от ранней цивилизации тем, что признаки цивилизации (город, монументальное строительство, письмо и др.) выражены в ней слабо или же набор этих признаков неполон. Так, во многих государствах Тропической Африки до европейской колонизации не было городов. В других существовали города, но не было ни подлинно монументальных сооружений, ни письма.

Когда в Африканском Междуречье XVIII–XIX вв. (в качестве протекторатов европейских колониальных держав — и в XX в.) существовали феодальные королевства Буганда, Буньоро, Нкоре (Анколе) и Торо — в Уганде, Руанде, Бурунди и др., когда в нынешней Замбии сменяли друг друга несколько подобных королевств, а в нынешнем Заире процветали идентичные Луба, Куба и пр., то ни одно из них не имело сначала ни городов, ни монументальных строений, ни письменности. Лишь в государстве Казембе (на границе нынешних Замбии и Заира) резиденция правителя в XIX в. превратилась в город, а скорее — в разросшуюся деревню с более чем десятком тысяч жителей, но и там не возводились монументальные сооружения, а жители (за исключением пришлых купцов-работоторговцев) не умели писать. В Зимбабве еще в Средние века были сооружены крепости-зимбабве (по которым современная республика получила название), но и тут письменности не знали. Даже в Южной Нигерии, где йоруба создали знаменитые города с десятками тысяч жителей, появились только первые зачатки монументального строительства и письменности. Та же картина наблюдалась в большей части Океании, особенно Меланезии и Полинезии: там существовали государства, касты, сословия, богатая культура, но без городов и письменности. Безгородскими, но зато письменными, были скандинавская цивилизация в Норвегии, Исландии, Гренландии и на Фарерских островах, некоторые культуры Филиппин, культура острова Пасхи.

Можно выделить следующие типы цивилизаций:

а) по формационным признакам: феодальные (несколько десятков) и капиталистическая — новая западная цивилизация. В настоящее время цивилизации феодального типа модернизируются или уже модернизировались, причем особых успехов достигли японская, китайская, корейская, южнобуддистская, индийская, исламская и др.;

б) по условиям генезиса: первичные, выросшие из протоцивилизаций, и вторичные;

в) по их месту: очаговые (в том числе первичные — древнеегипетская, шумерская, индская, древнекитайская до эпохи Хань, ряд цивилизаций Мексики и Перу, йоруба-бенинско-дагомейская «почти цивилизация» в Западной Африке, а также некоторые вторичные — вавилонская, ацтекская в Мексике, мероитская в Судане, аксумская в Эфиопии, тангутская в Центральной Азии, хорезмийская и согдийская в Средней Азии, киргизская в Минусинской котловине); региональные (ахеменидская, эллинистическая, китайская начиная с эпохи Хань, тибето-монгольская, западноевропейская до эпохи Великих географических открытий); межрегиональные, связанные с мировыми религиями; периферийные, или ассоциированные, цивилизации, у которых более мощные играют роль центра;

г) по стадиям жизненного цикла: формирующиеся, зрелые, стареющие, перерождающиеся, реликтовые, исчезнувшие³.

Отдельные цивилизации различаются, помимо прочего, религиями с их предписанным поведением и системой ценностей, что особенно заметно там, где люди разных религий и цивилизаций проживают по соседству либо где происходит смена религии массой народа. Тогда становятся видны отличия мусульман от буддистов-конфуцианцев (людей дальневосточных цивилизаций), от буддистов-ламаистов (людей центральноазиатской цивилизации), тхеравадских буддистов (людей сингальско-индокитайской цивилизации), индуистов (людей индийской цивилизации), эфиопских христиан и пр. по их поведению в семье (ревнивые мусульмане, строго следующие исламским правилам семейно-брачных отношений), по общественному быту (мусульмане кажутся казацкой вольницей рядом с конфуцианцами и индуистами), выбору занятий (многие мусульмане и конфуцианцы из вчерашних крестьян предпочитают торговлю, тогда как у индийцев или эфиопов это занятие только определенных каст), по отношению к изобразительному искусству и музыке. В конечном счете они подчиняются не только общечеловеческим представлениям о добре и зле, но и специфическим в каждой религии морально-этическим нормам, определяющим их представления о правильном или неправильном поведении. Поэтому можно говорить о присущих той или иной цивилизации типам и подтипам. Однако более глубокими и долгодей-

³ Там же. С. 75–76.

ствующими представляются различия типов, характерные для разных формаций.

Люди феодальной формации

Центральное место в общественно-исторической формации как подвижному явлению принадлежит Человеку в его психосоматической и интеллектуально-культурной сущности. Имеется в виду, приближенно говоря, пучок типов и подтипов личности, присущих той или иной из трех мировых общественно-исторических формаций: первобытной, феодальной и капиталистической.

Типы личности феодальной формации существенно отличаются от типов личности первобытной и капиталистической формаций. Что касается феодальной формации, они развиваются прежде всего как социально-исторические типы (например, оседлых земледельцев, рыбаков, скотоводов-кочевников), а затем как общественные классы. Для разных феодальных обществ, принадлежавших к различавшимся цивилизациям, характерны социально-исторические типы преданного земле упрямого крестьянина, жизнь которого представляла собой не беспорядочное чередование многодневных охот и беззаботного отдыха, как жизнь первобытного охотника, а (в идеале) правильно повторяющиеся циклы труда, ритуалов и праздников; искусного ремесленника; святого аскета (а рядом с ним — архаичного колдуна-знахаря, какие существовали и в первобытно-общинной формации); обожествляемого царя; благородного, но хищного рыцаря; бесправного раба; жадного дельцаростовщика и др. С типами личности капиталистического общества их роднит классовая дифференцированность, а с первобытно-общинными типами — общинный характер личности.

Общественно-культурный тип крестьянина — основной представитель класса трудящихся при феодализме. Поэтому большую часть феодальных обществ мы можем называть крестьянскими. Крестьянин связан с определенными хозяйственно-культурными типами (ХКТ). В основном это ХКТ пахарей. Но исторически формирование типа крестьянина и всего класса крестьянства начинается среди ручных земледельцев, т.е. более примитивного ХКТ. В связи с процессом крестьянизации было предложено выделить как особый ХКТ интенсивных ручных земледельцев, применяющих сооружение земледельческих террас, искусственное орошение полей или огородов, искусственное

их удобрение, значительный ассортимент видов и сортов культурных растений, домашних животных и ручных земледельческих орудий⁴. Самый процесс формирования крестьянства как общественно-исторического и общественно-культурного типа и класса подразделяем на стадии, из которых начальной является состояние земледельцев докрестьянских обществ, затем протокрестьянство, кастовое крестьянство, классическое крестьянство и переходные формы к фермерству⁵. Можно говорить, что протокрестьянство в одних случаях принадлежит к ХКТ экстенсивных ручных земледельцев, в других — к ХКТ интенсивных ручных земледельцев, в третьих (как в большей части Европы на протяжении одного-двух тысячелетий и в Эфиопии примерно такого же периода) — к ХКТ пахарей. Но классическое крестьянство всех континентов — именно пахари.

Протокрестьянство находим в большей части Тропической Африки доколониального времени, у туарегов Сахары, у ряда других сахарских и берберских народов, народов Южного Китая и гор Индокитая, в Микронезии и большей части Полинезии. Протокрестьянами были скандинавские бонды эпохи саг, смерды Киевской Руси, земледельцы Ирландии до разрушения кланов, члены земледельческих каст Древней Индии. Скорее протокрестьянством, чем крестьянством в полном смысле слова, являлись земледельцы римской Британии, а также завоевавшие их англы, саксы и юты. Вообще на Британских островах и на Крайнем Севере — в Исландии, на Фарерах, в Норвегии, на Русском Севере — класс крестьянства сложился поздно сравнительно с остальной Европой, а начал разлагаться очень рано. Зато в большинстве европейских и африканских провинций Римской империи процесс формирования класса крестьянства завершился за два-три столетия до Великого переселения народов, а в Египте и азиатских провинциях — намного раньше. Колоны Галлии III–IV вв. — это феодально-эксплуатируемые крестьяне.

Кастовое крестьянство наиболее полно было выражено в средневековой Индии. Классические типы крестьян на Востоке — египетские феллахи, земледельцы Сирии и Месопотамии, начиная с периода расцвета Ассирийской державы, китайские крестьяне, начиная с эпохи

⁴ Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 129–132.

⁵ Кобищанов Ю.М. Крестьянство и протокрестьянство в Африке // Азия и Африка сегодня. 1982. № 1. С. 38–40.

Хань. В Средние века прибавились такие классические типы, как иранско-среднеазиатский, японский, яванский, западноевропейский (северофранцузский, западногерманский и пр.), в Новое время — восточно-европейский и русский крепостной. Эти типы крестьянства сложились благодаря развитию сельских производительных сил и феодальных производственных отношений в их неразрывном единстве.

Производительные силы

Понимание категории производительных сил в теории большой феодальной формации не противоречит истматовскому (особенно в интерпретации В.В. Крылова⁶). Но, по сравнению с традиционно истматовским, в нем детализированы следующие моменты.

Предложено понятие типов общественного хозяйства как стадий в развитии производительных сил общества. Эти типы — присваивающий, мелконатуральный производящий (или домашний) и крупнотоварный производящий (индустриальный). Присваивающий тип примерно соответствует первобытно-общинной формации, мелконатуральный производящий — феодальной формации, крупнотоварный — капитализму⁷. Африканские бушмены и пигмеи — люди присваивающего хозяйства и первобытно-общинного строя. То же относится к австралийским аборигенам, андаманцам, огнеземельцам, патагонцам, юкагирам, береговым чукчам и корякам. Что касается крестьянских обществ всего мира, то они порождены мелконатуральным производством и феодальным строем. В Приморском крае нашей страны еще несколько десятилетий тому назад удэгейцы представляли доклассовое общество, китайские и корейские мигранты — общество, выходящее из феодального состояния и вступающее в капитализм, а соседние Япония и США — разные модели капитализма.

Нередко смена одной формы общественного хозяйства другой, более высокой, происходила резко. Обычно это было связано с вторжением иноземцев. Восточная и Южная Африка тысячелетиями оставались

⁶ Крылов В.В. Особенности развития производительных сил и воспроизводственного процесса в развивающихся странах // Экономика развивающихся стран: теория и методы исследования. М.: Наука, 1979. С. 152–185.

⁷ Кобищанов Ю.М. Пространственно-временные структуры истории Африки // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 32–38.

во власти первобытных бушменских общин с присваивающим хозяйством, пока не были заселены племенами банту, разводившими скот и обрабатывавшими огороды. Банту создали раннефеодальные государства. Вскоре после банту появились в Южной Африке европейцы как носители капиталистической цивилизации. Правда, на просторах южноафриканского вельда буры многое утратили, но немало и сохранили. Вслед за ними англичане принесли капиталистические отношения новой волны. Тем не менее только в последние десятилетия капитализм в ЮАР победил окончательно, причем в обществе европейцев и «цветных», тогда как у банту его победа лишь намечается. В Австралии феодализма не существовало, отмечались лишь его рудименты в английском колониальном строе; первобытные же общества аборигенов, занимавшиеся охотой и собирательством, вскоре вытеснил британский индустриальный капитализм.

Соответствие типов и формаций не надо понимать упрощенно. В западносибирской тайге ханты, манси, селькупы и другие этносы до недавних пор жили в основном присваивающим хозяйством, но их общества до русского завоевания Сибири были раннефеодальными. Возможное объяснение такого противоречия состоит в том, что феодализм у обских угров и самодийцев начал складываться до того, как их предки переселились из Южной Сибири в места нынешнего обитания; в Южной Сибири они занимались не только охотой и рыболовством, но также земледелием и скотоводством. Кроме того, в сибирской тайге местные раннефеодальные «князьки», составлявшие протокасту, собирали с простолюдинов подати пушниной и прочим, чтобы поставлять дань татарским ханам, новгородским ушкуйникам и московским царям, а также поставлять товар иноземным скупщикам пушнины. В Южном Судане нуэры и динка, в Кении луо, лухья, кикую, камба и другие народы, вообще десятки этносов издавна жили земледелием и скотоводством (на Новой Гвинее — свиноводством), но не знали ни раннефеодального строя, ни групп кастового типа.

Упомянем о переходности состояния производительных сил в указанных выше обществах, о незавершенности перехода от присваивающего хозяйства к мелконатуральному производящему. Подобно исторически предшествующему типу — присваивающему хозяйству, мелконатуральное производящее имеет мелкий и натуральный характер; подобно последующим типам, оно производящее. Мелконатуральное производство обычно сочетается с другими типами, например с присваивающим в раннефеодальных обществах, с мелкотоварным и даже

индустриальным на поздних этапах феодальной формации. Здесь классическим примером служит Россия с ее крепостной мануфактурой XVIII — середины XIX в. и со сталинской индустрией — великими стройками на основе лагерного труда. Объяснение можно найти в феодально-крестьянском характере страны, в относительности товарного характера ее казенного промышленного производства и раньше, и в сталинское время, а особенно в государственно-крепостнических колхозах, где имели место натуральные поставки.

Каждый тип общественного хозяйства предполагает соединение в себе различных сфер хозяйства (охоты и собирательства, земледелия и скотоводства, машинного сельского хозяйства и промышленности). Разница между типами общественного хозяйства не ограничивается только сферами хозяйствования, а распространяется на общее состояние производительных сил. Достаточно сопоставить классическое натуральное крестьянское хозяйство с современной его формой на той же территории. Дополнительную сложность создает сочетание типов, о котором сказано выше. Но переходность состояния производительных сил в каждом конкретном обществе не только выражается в наличии тех или других сфер хозяйствования и типов общественного хозяйства, а и сказывается в темпах движения.

Процесс становления индустриального производства в Европе занял несколько столетий, в Японии — одно столетие, в Израиле — вдвое меньше, в арабских странах района Персидского залива — немногие десятилетия. Это — ускоренное развитие. Причем Европа, особенно Восточная вместе с Сибирью, знала и феномен регресса капиталистического развития в Новое и Новейшее время. Но становление мелконатурального производства в основных районах Азии, Африки, Европы и Америки длилось тысячелетия. Так, Европа начала осваиваться под земледелие лишь после появления сохи, в которую впрягали быков. Древнейшие ее земледельцы V–II тыс. до н. э. распахали безлесные, покрытые травами и кустарниками просторы от лесостепей днепровского Правобережья до меловых холмов Британии, сводя рощи и в лесостепях и между холмами, но не смогли без железных топоров углубиться в девственные дубовые леса, которые использовали в основном для присваивающего хозяйства. В течение многих тысячелетий, даже пользуясь железными орудиями, европейские пахари не смогли бы выжить, если бы не добывали дополнительную часть ресурсов охотой, рыболовством, бортничеством и собирательством. Там же, в лесах, они пасли свиней и коров.

Вообще и в древности, и в Средние века, а на окраинах Европы даже позднее, скотоводство играло не меньшую, а подчас и большую роль, чем земледелие: тут, с одной стороны, налицо Исландия, Фарерские острова, Норвегия и различные горные районы, с другой — степи от Южного Урала до Центральной Испании. Появление земледелия, даже пахотного, само по себе еще не означает, что сооружение историей здания мелконатурального производства завершилось. Такой взгляд составляет еще одно важное отличие теории большой феодальной формации от традиционного истмата и других теорий, бытующих среди историков, археологов и этнографов.

Особое значение теория большой феодальной формации придает категориям ячеек производства и систем воспроизводства, их становлению и развитию. Ячейка производства — это непосредственная форма взаимодействия рабочей силы с орудиями и другими средствами и объектами производства. Поскольку способ производства, согласно К. Марксу, есть способ соединения рабочей силы со средствами производства, постольку каждому способу производства соответствуют исторически присущие ему типы ячеек производства. В эпоху господства мелконатурального производства (в его постепенном, не прямолинейном и чрезвычайно длительном развитии) эти ячейки делятся на мелкие и условно-крупные.

Первые — домохозяйства земледельцев, скотоводов, ремесленников, где производство соединено с семьей. В них существовало разделение на мужские и женские работы, но взрослые большую часть времени проводили вместе и вместе трудились, а дети помогали им и учились мастерству у старших. Труд носил творческий характер, результаты его были очевидны. Годичный цикл протекал как непрерывное правильное чередование ритуалов и обязанностей, трудов и праздников, пьянящих радостей и тяжелых испытаний. Жизнь проходила в гармонии с природой и общественным окружением. Любовь к труду соединялась с любовью к собственному хозяйству, дому, земле-кормилице, домашним животным, которых хозяин сам выводил, к орудиям труда и быта, которые он сам сладил и украсил, к своим чадам и домочадцам.

В мелких ячейках производства все стороны жизнеобеспечения, все работы и заботы, радости и тягости были увязаны в неразрывную цепь. Основной подтип такой ячейки — классическое крестьянское хозяйство. Оно лежит в основе феодальной экономики. Но это не исключает существования более крупных ячеек: наоборот, мелкие сочетаются с крупными, так как полное воспроизводство производительных сил

и производственных отношений феодализма невозможно только в первых или только во вторых.

Последние называем условно-крупными, чтобы не смешивать их с крупнотоварными. Ячейки условно-крупного производства основаны на простой кооперации труда мелких производителей. Их задачи состояли в производстве работ, которые не под силу членам одного семейного домохозяйства, и в упрочении связей между мелконатуральными производителями. Работы и связи могли носить как общинный, так и феодально-повинностный характер, причем одно не исключало другого. В обоих случаях такие ячейки формировались чаще всего по общинному принципу (родственники, друзья, побратимы, соседи, члены одной половозрастной группы) либо по смешанным принципам (клиенты вождя, князька или «большого человека», живущие вместе и ставшие как бы побратимами)⁸. Трудом подобных коллективов поднималась целина, выпасались большие стада домашних животных, строились дома и монументальные сооружения, включая пирамиды Египта, Шумера и Мексики. Барщинные работы при позднем феодализме — характерный пример деятельности ячеек условно-крупного производства. Конкретная форма ячейки зависит также от формы общественного разделения труда, кооперации труда.

В феодальных обществах находим три основные формы разделения труда: половозрастную, рентную (повинностную) и товарную. Первая возникла еще в первобытно-общинной формации, а при феодализме распространяется на большую часть впервые возникающих занятий. Товарная форма разделения труда более характерна для капитализма. Что касается рентной формы, то она специфична для феодализма. Этому не противоречат хорошо известные этнографам факты наличия повинностной формы разделения труда в других обществах, например африканских, находившихся накануне раннего феодализма: у них не было государства, но существовали касты и кланы ремесленников, связанные с общинами земледельцев и скотоводов повинностной формой разделения труда⁹.

Деревенские ремесленники вели подвижный образ жизни, обслуживая те хозяйства, где они были нужны. Община не могла без них

⁸ Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества. С. 110–120; Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982. С. 65–106.

⁹ Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества. С. 132–172; Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство. С. 121–144.

обойтись и содержала их круглый год и на протяжении поколений, независимо от того, сколько услуг и продукции требовалось от ремесленников. Вместе с тем земледельческая или скотоводческая община заботилась о том, чтобы ремесленники не оставляли своих занятий и не растворялись среди сельскохозяйственного населения. Например, масаи Восточной Африки, считая себя единственными законными владельцами крупного рогатого скота во всем мире, отнимали у кузнецов скот, даже если возвращались вместе с ними из набега, в котором кузнецы добыли нескольких коров и телят. В Южной Эфиопии и Индии кузнецам не позволялось обрабатывать землю, пользоваться колодцами земледельцев и даже проходить через поля. В Индии, Шри-Ланке, Таджикистане деревенским ремесленникам после сбора урожая община выделяла долю зерна, независимо от того, как и сколько они в тот год работали на ее членов. Другие доли выделялись землевладельцам, общинным должностным лицам, духовенству и правителю фактически в качестве ренты.

В условиях господства мелконатурального производства могучим фактором повышения производительности труда были развитие его общественного разделения (прежде всего в повинностной форме) и кооперация труда (прежде всего в виде простой кооперации мелких производителей). Значение их возрастало по мере специализации ячеек мелконатурального производства. Рост производительности труда мелких производителей создавал объективную возможность их специализации, тем более что их можно было эксплуатировать лишь тогда, когда они производили больше того, что потребляли. Но и конкретные формы эксплуатации человека человеком зависят от форм разделения труда и его кооперации, ибо кооперация труда между ячейками производства в общине выражается не только в трудовой взаимопомощи, но и в отчуждении избыточного продукта труда в целях взаимопомощи и про запас.

Господство мелконатурального производства приводило к тому, что наиболее рациональными формами участия мелких производителей в расходах общины являются совместная общественная работа и складчина, то и другое порой от случая к случаю. Однако регулярность сельскохозяйственного производства и связанная с ней регулярность общественных работ и празднеств стимулировали регулярность коллективных работ и складчины. Они превращались в примитивные повинности. К тому же результату вела регулярность войн (допустим, весенние и осенние набеги). Складчины, дары, «помочи», общественные работы

на благо общины постепенно или резкой переменой превращались в подати и повинности. Мы находим это во всех феодальных обществах. Так развитие мелконатурального производства внутри общин приводило к разделению труда и произведенного продукта на две части: ту, которая оказывалась внутри ячейки мелконатурального производства, и ту, которая привлекалась на общественные нужды. Возникали необходимые предпосылки феодальной эксплуатации. Чтобы такая возможность стала действительностью, нужно было преодолеть сопротивление общинников и общинной морали. На это уходили иногда столетия, иногда тысячелетия.

Пока земледелец-общинник не начал подвергаться феодальной эксплуатации, его в принципе нельзя относить к классу собственно крестьян. Настоящий крестьянин — это мелконатуральный производитель, который и подвергается именно феодальной эксплуатации. Некоторой эксплуатации такого рода подвергается и протокрестьянин, но в этом случае степень эксплуатации невелика. Протокрестьянина характеризует незавершенность его производственного статуса как мелкого производителя, натурального или полунатурального. Верный показатель — состояние домохозяйства земледельца, этой ячейки мелконатурального производства. С тем же связано состояние семейных отношений, сила или слабость внутрисемейных связей.

Кристаллизация крестьянского домохозяйства как ячейки мелконатурального производства тесно связана с развитием малой патриархальной семьи. Не случайно почти у всех классических пахарей, составлявших при феодализме класс крестьян, семья была патриархальной. Ведь пахота — занятие мужское, повышающее роль мужчины в семейном хозяйстве. Пахарь трудится в компании с тягловыми животными, а подъем целины колями при ручном земледелии — коллективная работа группы мужчин, жены которых в остальное время пропалывают участки и собирают урожай. Труд пахаря более индивидуален, чем труд ручного земледельца; связь первого с женою и детьми прочнее, чем у второго, особенно при экстенсивном сельском хозяйстве.

Общинная мораль и весь первобытно-общинный способ труда, распределения, ритуалов, празднеств и прочего сопротивлялись веками не только установлению феодальной эксплуатации, но и кристаллизации ячеек мелконатурального производства, их автономии, их центробежными тенденциями, разрушающим архаичную общину. Недаром на протяжении всего периода феодализма сохраняются различные формы общинной организации.

Отметим здесь три ошибки, распространенные в исторической литературе. Во-первых, комбинирование труда рассматривается либо лишь как производительная сила, либо как только производственное отношение; на самом деле оно — и то и другое. Во-вторых, единственной предпосылкой появления эксплуатации считается рост производительности труда; т.е. игнорируется роль типов ячеек производства и комбинирования труда. В-третьих, в качестве ячейки производства называют общину земледельцев, не замечая того, что она сама состоит из производственных ячеек-домохозяйств. Фактически община — это коллектив для натурального воспроизводства.

Феодальные отношения и отношения владения

Возможны два способа принуждения мелкого производителя. Первый — экономический, осуществляемый посредством передачи во владение скота, аренды земли, неэквивалентного обмена, ростовщичества. Второй способ — внеэкономическое принуждение мелконатурального производителя: организованное (преимущественно государственное) и духовное (моральное, религиозное и пр.). Оба они допускают два вида эксплуатации мелкого производителя: временно отрывая его от своей ячейки мелконатурального производства и заставляя работать в ячейке условно-крупного производства (на общественном или помещичьем поле, на строительных и других работах), т.е. непосредственно отчуждая прибавочный труд; отчуждением прибавочного продукта, производимого в самой ячейке мелконатурального производства. Первый вид дает отработочную ренту, второй — натуральную. Оба они суть виды феодальной эксплуатации. В обоих случаях отчуждается труд рабочей силы, воспроизведенной и по-прежнему воспроизводящейся в ячейках мелконатурального производства.

В большинстве ранних государств решающее значение имел второй ряд, выражавшийся через поднесение первинки урожая, поставки различных даров для пиров обходившего свои владения полудем правителя, через дань, подати и натуральный налог. Но в ряде случаев, например в Египте эпохи Древнего царства, в храмовых и царских («энсиальных») хозяйствах Древней Месопотамии¹⁰, в городах-государствах

¹⁰ Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

мая¹¹, в королевстве Зуду XIX в.¹² и в десятках других случаев первый ряд эксплуатации доминировал. Мелкие производители надолго (в Египте эпохи фараонов — на два месяца ежегодно¹³) отвлекались на общественные работы. Это было возможно при сочетании сравнительно высокой производительности труда с жесткой организацией масс земледельцев (а у зулусов — скотоводов-земледельцев).

Такая производительность труда отчасти зависела от сочетания исключительного плодородия почв с исключительной урожайностью тех или иных культурных растений (полбы и пшеницы в долине Нила и в Двуречье IV–II тыс. до н. э., риса в речных долинах Китая, Индокитай и на Яве, маиса в стране майя, где, впрочем, почвы никогда не были особенно плодородны). Исключительная урожайность и неприхотливость банана в Буганде (Уганда) и Руанде при малых усилиях для его выращивания в сочетании с обилием хороших пастбищ тоже позволяли их правителям надолго отрывать местных земледельцев от своих хозяйств, используя их главным образом в ополчении. Кроме того, масса общинников, земледельцев и воинов периодически мобилизовывалась на строительство и ремонт дорог, необходимых для быстрого выдвижения к границам ополчений и для курсирования от столицы в провинции и обратно пеших гонцов и наместников¹⁴. Ремонт дорог, периодически разрушаемых тропическими ливнями, и участие в военном ополчении составляли две главные повинности земледельцев в Дагомее XVIII–XIX вв.¹⁵

Экономическое и внеэкономическое принуждение часто сочетались, даже на ранних ступенях развития феодальных отношений. У многих тюркских народов и народов Африки существовал комплекс феодальных отношений по поводу скота, когда представитель одной социальной группы (знатного рода, благородного кочевого племени)

¹¹ Гуляев В.И. Города-государства майя (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.: Наука, 1979.

¹² Брайант А.Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.

¹³ Стучевский И.А. Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

¹⁴ Kottack C.P. Ecological Variables in the Origin and Evolution of African State: the Buganda Example // Comparative Studies in Society and History, Cambridge, 1972. Vol. 14. № 3. P. 351–380; Maquet J.-J. The Premise of Inequality in Ruanda: A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. London: Oxford University Press, 1961.

¹⁵ Herskovits M.J. Dahomey: an Ancient West African Kingdom. Vol. 1–2. N.Y.: J.J. Augustin, 1938.

передавал лошадей, верблюдов, коров представителю другой группы. Получивший животных и его наследники могли пользоваться продуктами животноводства (молоко, навоз и пр.), есть мясо павших животных, оставлять себе шкуры, рога, часть приплода, но основное стадо считалось принадлежащим тому (наследникам того), кто владел прародителями животных. Скот держали не только ради получаемых от него продуктов, но и ради престижно-ритуальных целей — уплаты выкупа за невесту, устройства погребального пира. Владелец скота становился патроном получателя, а последний — клиентом с обязанностью оказывать первому особые знаки уважения и различные услуги, повиноваться его приказам, платить ему дань продуктами земледелия и скотоводства.

Наукой уже отмечались феодальный характер этих отношений и их развитие по двум линиям: экономической (передача в пользование и владение скотом) и личностной (установление отношений клиентелы)¹⁶. В некоторых ранних государствах Центральной Африки крупный рогатый скот считался принадлежавшим царю. В сегментных княжествах у народов Восточной Африки правили династии «варягов», приглашенных со своим стадом коров, которых хотели иметь местные земледельцы. Так монополия на не очень продуктивный скот, тем более нерабочий скот пахарей, оказалась средством феодализации общества.

Развитие монополии феодального класса на землю подчинялось тому же историческому закону: экономические отношения по поводу земли чаще всего, на том или ином историческом этапе, дополняются отношениями личной зависимости. Последние тем лабильнее, чем свободнее, чем более развита феодальная монополия на землю. Примеры дают разные регионы феодального мира. Когда во второй половине XV в. — начале XVIII в. Россия присоединила к себе намного более обширные, чем ее первоначальная территория, земли на востоке и юге, принадлежавшие прежде татарским ханствам, они были сравнительно слабо заселены. Сюда начали переселяться русские крестьяне. Повсюду в России ощущалась нехватка рабочих рук, тем более что действия ряда ее правителей, смуты и иноземные нашествия катастрофически уменьшали население. Тем временем монархия и класс помещиков установили совместную монополию на землю, хотя на деле полного согласия внутри феодального класса достичь не удавалось, так что крестьяне вплоть до конца XVI в. могли выбирать, под власть какого барина выгоднее

¹⁶ Maquet J.-J. Une hypothèse pour études des feodalités africaines // Cahier d'études africaines. Vol. 2. Issue 6. 1961. P. 292–314.

податься. Главным дефицитом в рамках феодального производства являлась именно рабочая сила — земледелец, которого помещики еще не сумели закабалить, зато государство в XVII–XVIII вв. закрепостило в несколько приемов.

В истории Китая наблюдались сходные явления: переселения крестьян на новые земли севернее р. Хуанхе и южнее р. Янцзы; депопуляция основных провинций, наступавшая периодически в результате внутренних войн и «варварских» нашествий. Вслед за ними делались попытки прикрепить оставшихся крестьян к земле, формально находившейся под жестким контролем государства, а фактически брошенной и выпавшей из сферы производства. Частные землевладельцы в свою очередь закрепляли за собой земли и закабаляли тех, кто их обрабатывал. В сущности, то же происходило в Римской империи, где видим последовательно стремительный территориальный рост, сопровождавшийся и «очищением» земли от прежнего населения, и заселением опустевших земель в основном свободными земледельцами, а частично невольниками; установление государственного и поместного (в сальтусах и латифундиях) контроля над обрабатываемыми землями; дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве; развитие соответствующего законодательства, закрепощавшего крестьян. Тут свои коррективы в процесс установления личной несвободы крестьян вносила их борьба против феодалов.

Один из наиболее живучих европоцентристских предрассудков XVII в. — представление о поголовном рабстве на Востоке, под которым подразумевалась феодальная Азия. На деле для основных азиатских стран, относительно густонаселенных и с относительно высоким уровнем развития феодализма, были достаточно характерны свободная аренда земли и преобладание лично свободного крестьянства над лично зависимым.

Принципиальное различие типов экономики при феодальной и капиталистической формациях требует и более четкого терминологического различия понятий, соответствующих категории «собственность». Последний термин целесообразно сохранить для капитализма, тогда как для феодализма и поздних ступеней первобытно-общинной формации, переходных к феодальной, более подходит термин «экономические отношения владения» (имеется в виду совокупность социально-экономических отношений феодального общества). Из этого следует, что отношения землевладения, как и владения теми, кто обрабатывает землю, есть одно из выражений владения производительными силами общества.

Попытаемся представить себе «будущего феодала», который каким-то образом приобрел землю, но без людей, либо пригнал туда невольников, но не имеет земли для их поселения, либо имеет и землю и людей, но не поселяет их семьями на земле и не снабжает орудиями, скотом, семенами и всем необходимым для создания ячеек мелкого производства. Это будет нелепое предположение. Ведь для ячейки мелконатурального производства характерны слитность и самовоспроизводимость заключенных в ней элементов производительных сил, прежде всего рабочей силы, обрабатываемых участков, скота, изделий домашнего ремесла. Поэтому для правового оформления феодальной эксплуатации мелких производителей эксплуататорам достаточно ухватиться лишь за некоторые или даже за один из основных факторов производительных сил — людей, землю, продуктивный скот, оросительные сооружения, но при условии, что обеспечена сохранность и самовоспроизводимость ячеек производства. Право же эксплуататора на землю, воду, скот, рабочую силу и личность труженика, долю произведенного им продукта — это лишь юридическое выражение экономических отношений владения.

Юридические нормы собственности никогда полностью не соответствуют, конечно, своему экономическому содержанию. Поэтому бывает достаточно подвергнуть юридическому оформлению лишь некоторые, узловые моменты производительных сил, чтобы поддержать собственность. Пока в степной зоне Евразии, Аравии и Африке свободной земли было много, феодальные князьки и вожди сами не знали точных границ своих владений, зато хорошо знали общины и отдельных людей, которые от них зависели и которыми они владели. В оазисах Аравии и Сахары, в речных долинах суданского пояса на землю сажали невольников, потомки которых спустя несколько поколений превращались в лично зависимых крестьян. Владение людьми тщательно фиксировалось обычным правом, тогда как права владения землей фактически оставались довольно расплывчатыми. И это — несмотря на знакомство соответствующих обществ с хорошо разработанным мусульманским земельным правом. Там, где выращивались финиковые пальмы (Аравия, Сахара, нильский Судан), в XIX в. — начале XX в. формальными объектами владения были пальмы, люди, оросительные сооружения, но не земля как таковая.

Главным способом выражения собственности является ее выражение через экономические процессы. Для экономических отношений владения таким способом служат вне рыночные или даже вообще вне-

экономические отношения распределения, в том числе в государстве, использующем зависимый труд. Их наличие в сфере перераспределения произведенного продукта и услуг, а также в сфере движения условий производства — верный признак феодального способа производства.

Характеристика большой феодальной формации этим не ограничивается.

Важной ее частью является связь ремесленного производства и духовной культуры с кастовой, цеховой либо какой-то другой формой повинностного разделения труда. Как и в традиционном истмате, теория большой феодальной формации утверждает, что основным законом феодального способа производства является закон ренты. Но понятие ренты при этом усложняется: нельзя в принципе отождествлять феодальную ренту с одной лишь земельной, хотя во многих случаях они частично или полностью совпадают. Бесчисленное множество документов разных феодальных обществ древности, Средневековья и Нового времени и из разных регионов мира исчисляют размеры ренты по количеству и качеству обрабатываемой земли. Но в тех случаях, когда, как в Средней Азии и на Кавказе, подать овцами взималась на перевалах при перегоне скота на бескрайние степные и горные пастбища, владение которыми было спорным, и сами пастбища, и перевалы с трудом могут рассматриваться в качестве земель, с которых взималась феодальная рента. Наиболее грубый способ исчисления последней — подымный, на семейное (особенно большесемейное) домохозяйство, дополненный внутриобщинной круговой порукой, — лучше всего отражает сущность феодальной ренты.

Сказанное выше позволяет предложить следующее определение феодального способа производства: он заключается в экономических отношениях владения ячейками мелконатурального производства и системами натурального производства. А эти отношения выражаются в ренте, получаемой благодаря эксплуатации мелких производителей, преимущественно при помощи внеэкономического принуждения, и в господстве внерыночного перераспределения продуктов труда и условий производства.

Три формы внеэкономического принуждения

Традиционный истмат обычно раскавычивает «внеэкономическое» принуждение (кавычки изначально принадлежат Марксу), так как истматчики часто игнорируют роль этого принуждения в экономике

феодалного типа. Они нередко склонны сводить внеэкономическое принуждение к государственному. Феодалная государственность зарождается внутри общинных структур в различных формах и соответственно этим структурам («сегментное» княжество, город-государство, военно-кочевая орда). Пока государственность развивается как домашнее хозяйство, как двор правителя либо персонал возглавляемого им храмового хозяйства, а также как гипертрофированный аппарат общинного управления, можно говорить о раннем государстве. Развитая феодалная государственность строится как разветвленная бюрократия, разделенная на ведомства.

Личностные (патронажные, родственные, вассальные) связи между представителями феодалного государства являются нормой. Они характеризуют это государство как феодалное независимо от того, раннее оно или позднее. Примерами таких раннефеодалных обществ могут служить общества кочевников Азии и Северной Африки, в которых феодалная верхушка и рядовое воинство были связаны между собой родоплеменными узами. Другой ряд примеров дают раннефеодалные общества земледельцев Тропической Африки, некоторых горных районов Азии и в Микронезии¹⁷. Даже в Европе позднего Средневековья и начала Нового времени родственные узы внутри феодалного класса играли важную роль. Герцог Ф. де Ларошфуко, рассказывая о событиях середины XVII в., упоминает, что он встретил противника, находясь во главе войска, ядро которого составляли две тысячи дворян Гиени, которые все были его родственниками¹⁸.

Государство представляло собой тот новый элемент, который четко отличал феодалный общественный строй от дофеодалного. И этот элемент был успешно использован как средство внеэкономического принуждения. Но для той же цели могли быть приспособлены и традиционные структуры, соответствующим образом трансформированные. Ведь характерные для первобытно-общинной формации общинные структуры могут наполняться различным социально-экономическим содержанием в зависимости от общества, в котором они существуют. Достаточно напомнить, какое значение имела при феодализме крестьянская община, а в правящем классе — родственные связи. Это вновь свидетельствует о том, что феодал-

¹⁷ Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977.

¹⁸ Ларошфуко Ф. де. Мемуары, максимы. Л., 1971.

ная формация есть законная наследница первобытно-общинной. В сложных обществах, которые можно условно назвать послепервобытными, развились особые виды общинного типа, общинно-кастовые (общинно-кастово-племенные). В них наблюдается переплетение родовых, родовых смешанных и соседских общин с кастовыми, сервильными и др.

В основе общинно-кастовых видов лежат две или три главные единицы, сочетающиеся сложным образом: община, каста и как третий член либо племя (у более примитивных), либо сословие (у более развитых). На ранних ступенях феодализма продолжают развиваться такие организации общинного типа, как побратимство, тайные общества, жреческие коллегии, общины-полисы, военно-кочевые орды; на более высоких — феодальные кланы, ремесленные цехи, религиозные ордены, братства и другие корпорации феодальной эпохи¹⁹. В общинных организациях феодальной формации мы находим сочетание первобытной социальности (братство, взаимопомощь) с феодальной.

Отдельные организации общинного типа включаются в политическую структуру как ее органы. Таковы тайные общества в странах Тропической Африки²⁰; группы побратимов-сверстников в ранних государствах различных регионов, где они образовали княжеские дружины, организации для облавных охот у монгольских, тюркских и других народов, ставшие зародышевой формой военно-государственной структуры²¹.

Но в других случаях развитие общин шло по линии формирования общинно-кастовых (общинно-кастово-племенных) систем. Такие системы существовали еще у древнейших индоевропейцев, в ранних государствах Аравии, Туркмении, Древней Индии, Индокитая, в предгосударственных обществах Индонезии, Океании, Восточной и Северо-Восточной Африки и Сахары. Эта зависимость оформлялась через иерархию племен, общин и каст и систему религиозных представлений, табу и ритуалов, принимавшую характер духовного принуждения. При этом феодальная эксплуатация обеспечивалась даже при отсутствии государства. Характерные примеры находим в Африке: в конфедерации племен

¹⁹ Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 133.

²⁰ Кобищанов Ю.М. Тайные религиозно-магические общества // Религии в XX веке. Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука и искусство, 1986. С. 143–158.

²¹ Клеменц Д.А., Хангалов М.А. Общественные охоты у северных бурят (зэгтэ-аба — охота на росомах) // Материалы по этнографии России. Т.1. СПб., 1910. С. 117–154.

у туарегов²² и сомали²³; у «и» (носу) Южного Китая²⁴. С расселением племен на периферию ойкумены — в Среднюю и Северную Европу, Сибирь, Южную Африку — общинно-кастовые системы часто дезинтегрировались, узы зависимости одних общинных групп от других ослабевали или вообще исчезали. Но в других условиях эти системы и узы разрастались, ветвились, внутренне усложнялись и ужесточались. Наконец, две или несколько общинно-кастовых систем соединялись в одну (яркий, хотя и крайний пример — Индия).

Что касается духовного принуждения, то оно играло роль, сопоставимую с ролью государственного и общинно-кастового принуждения. В той сфере, которую составляли духовные основы древних и средневековых цивилизаций, религиозное, правовое и моральное принуждение трудящихся повиноваться власти имущим занимает не очень большое место. Но вообще игнорировать духовное принуждение неправомерно. Как правило, в феодальных обществах действовали все три вида внеэкономического принуждения, причем слабость или неразвитость одного из них дополнялась компенсационным развитием других. Индия XIV–XIX вв. дала пример чрезвычайно высокого уровня развития всех трех видов внеэкономического принуждения. Таких различных примеров для позднефеодальной стадии — десятки.

Но в раннефеодальных обществах все три вида внеэкономического принуждения были слабо развиты: не имелось ни разветвленной бюрократии, ни сложной сословно-кастовой иерархии, ни церкви. В таком случае особое значение приобретала личная зависимость мелкого производителя от того, кто над ним господствовал. При обилии незанятых, естественно орошаемых земель и скота дефицитной была рабочая сила. Поэтому овладеть ячейками производства было удобнее через производителей, лишив их личной свободы. Путь к несвободе существовало несколько: закабаление, самокоммendaция слабого, пленение, завоевание.

Тенденция к монополизации рабочей силы находила свое выражение и в привилегии той или иной общинно-кастовой группы (аристократия, княжеский род) на многоженство (особенно в обществах,

²² Lhote H. Les Touaregs du Hoggar. P.: A. Colin, 1984.

²³ Lewis I.M. Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Sano. London: International African Institute, 1955.

²⁴ Имс Р.Ф., Яковлев А.Г. К вопросу о социально-экономическом строе линьшаньской группы народности «и» // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 64–106.

где женский труд играл ведущую роль в земледелии), в праве князьков брать в сожительницы нарушительниц сексуальных табу, дочерей преступников и любых простолюдинок, в резком увеличении выкупа за жену, внесение которого больше одного-двух раз в жизни становится под силу лишь богатым и аристократам (для которых размер выкупа был, между прочим, снижен), в развитии гипертрофированных патриархальных большесемейных общин и патриархального рабства, в привлечении в домохозяйства у знати всякого рода изгоев, бездомных, бедняков, кабальных должников, как это прослеживается в «Русской Правде».

Рабовладение

Историки нередко переводят разноязыкие термины источников, характеризующие принудительно трудящегося человека, словом «рабы», а дальше включают аппарат статистики. Добрую треть века я протестую против такой операции, на которой строилась система доказательств «рабовладельческого» характера древних обществ. Но сегодня уже ни один серьезный ученый не утверждает, что хотя бы в одном из этих обществ преобладали среди трудящихся рабы²⁵. Сравнительно недавно это признал публично даже такой последовательный сторонник теории рабовладельческой формации в Древнем мире, как В.Н. Никифоров.

Класс рабов — это экономический класс непосредственных производителей, полностью лишенных средств производства, рабочая сила которых (равно как производимый ею необходимый и прибавочный труд) отчуждается в процессе производства нетоварным путем. Этим рабы отличаются от мелконатуральных производителей, которые не отделены от средств производства, хотя их труд тоже отчуждается нетоварным путем — через внеэкономическое принуждение, и от наемных рабочих, лишенных средств производства, но продающих свою рабочую силу для ее воспроизводства, т.е. через экономическое принуждение. Отсюда видно, что одни черты экономического положения раба роднят его с мелконатуральным производителем, другие — с наемным рабочим.

²⁵ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 45.

Неудивительно, что в истории существовали смешанные, переходные и промежуточные формы между этими тремя типами. Вот несколько таких форм: рабы-пастухи в сальтусах римской Италии, Африки и дунайских провинций; наймит, запродавшийся во временное подчинение богачу; батрак с приусадебным участком и небольшим собственным стадом, которое он бесплатно пасет на земле хозяина. Но ни эллинистического земледельца, ни римского колона нельзя считать представителями одной из переходных форм: это были просто феодально-зависимые крестьяне; классический колонат — одна из разновидностей феодальной зависимости.

Для раннефеодальных государств было характерно положение, когда в одном обществе рабы и мелконатуральные производители, а также переходные между ними группы в одинаковой форме лично зависимы в правовом отношении. Таковы, допустим, сервы в странах Западной Европы VI–IX вв. Однако с точки зрения политической экономии важны не особенности правового статуса, а то, является ли раб непосредственным производителем (земледельцем, пастухом, ремесленником) или же он есть непроизводительный элемент (слуга, стражник, актер). Таков основной критерий, пользуясь которым можно установить относительное значение рабовладельческого уклада в производственном базисе данного общества.

Экономический базис античного, как и средневекового, мира был многоукладным при ведущей роли феодального способа производства. Вот Римская империя периода расцвета, считаемая классическим примером рабовладельческого общества: рабы составляли там меньшинство работников в сельском хозяйстве, ремесле и на крупных строительных работах. Значительная часть рабов являлась оброчной. Большинство же трудящихся принадлежали к мелким производителям. Так было, впрочем, во все периоды римской истории. Поэтому и царский Рим, и республику, и империю нельзя считать рабовладельческими в чистом виде. Экономическую основу римского общества составляла эксплуатация мелких производителей, но главным образом путем внеэкономического принуждения. Следовательно, это общество было, по сути, феодальным. Оно, как и древнегреческое, проделало сложный путь от раннефеодального царского (у греков — микенского, затем архаического времени и феодально-общинных образований Спарты, Фессалии, Крита) через ослабление феодальной эксплуатации (у греков — при демократии), затем через паразитизм привилегированных общин-городов — к новой, полной феодализации (при тиранах, эл-

линистических царях и в поздней Римской империи), когда основная масса мелких производителей была спрессована в класс феодально-эксплуатируемых крестьян.

Феодальный уклад был там ведущим, рабовладельческий — дополнителен, хотя и не единственным. В передовых центрах феодальной формации (Вавилон, Афины середины I тыс. до н. э., Александрия, Антиохия, Пергам, Родос, Рим конца Античности, Константинополь, Багдад, Фустат-Каир IX–XIII вв.) зарождается и развивается протокапиталистический уклад в виде наемного труда, товарного пригородного земледелия, торгового скотоводства, городского предпринимательства, работающих на рынок крупных мастерских, торгового капитала, прибылей, банков. Так было в Нововавилонском царстве VI в. до н. э. Там развивалось товарное производство чеснока, овощей и фруктов на междурядьях в рощах финиковых пальм, что напоминает Ирак, Египет и Судан Нового и Новейшего времени. В Вавилоне существовали крупные банкиры, векселя, развитые финансы, подорванные в конце VI в. до н. э. инфляцией²⁶.

Римская империя знала и пригородное товарное земледелие, и банковское дело, и компании судовладельцев, и страхование торговых судов, и образование ранних форм капитала в городской недвижимости, особенно в виде доходных домов, и спекуляцию недвижимостью, и финансовый крах в результате торговли с Востоком, размеры которой были сопоставимы с той, которую вела с ним Европа XIX в. Эллинистическая Малая Азия знала забастовки рабочих, Рим конца республики — компании судовладельцев, спекуляцию городскими многоэтажными домами, прибыль на квартплате. Однако даже в Древней Греции, эллинистическом мире, Карфагене и Риме исторически ведущим был не рабовладельческий и не протокапиталистический, а феодальный уклад, основанный на законах феодального способа производства. По отношению к феодальному укладу рабовладельческий и протокапиталистический занимают в феодальном обществе периферийное положение.

Но при известных условиях исторически второстепенные уклады могут, активно воздействуя, получить гипертрофированное развитие за

²⁶ Белявский В.А. Землевладение дома Этиби // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1968, вып. 5; Белявский В.А. Потомки Эа-илутабани // Вестник древней истории. 1968. № 1. С. 96–119; Белявский В.А. Шаттинну, сын Балатсу, потомок Бэл-яу // Страны Ближнего и Среднего Востока (история, экономика). М.: Наука, 1969. С. 21–38; Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971.

счет исторически ведущего уклада. Обычно этот процесс начинался нашествиями периферийных народов на центры цивилизаций (дорическое нашествие на микенскую Грецию, разгром Ассирийской державы при участии скифов и мидян, нашествие кельтов и экспансия италийских, главным образом оскско-умбрийских, племен на города этрусков и греков в Италии, македонское завоевание Малой Азии, Месопотамии и Египта, Великое переселение народов в Европе на первом рубеже Средневековья). Это ослабляло феодальную систему.

Общины и племена, подвластные ослабевшим или разгромленным царствам, освобождались от их власти (Эллада, Италия второй половины I тыс. до н. э.). Затем на развалинах феодальной системы пышным, хотя и эфемерным цветом расцветали рабовладение, наемный труд, товарно-денежные отношения, совершались технические и технологические открытия, зарождались ранние виды капитала (торгового, банковского, городской недвижимости). Так было в Вавилоне времени Нововавилонского царства, в Александрии, в городах Малой Азии и Месопотамии эпохи эллинизма, в Римской республике, где на сравнительно короткий исторический период получили гипертрофированное развитие рабовладельческий и протокапиталистический уклады, а многочисленные члены привилегированной общины — граждане — освободились от эксплуатации. Но с течением времени феодализм восстановил и упрочил свои позиции. Кроме того, нельзя отрывать привилегированные общины (Вавилон эпохи Нового царства, Александрию империи Лагидов, Афины периода архэ, Рим и даже города Италии времен республики и ранней империи) от крестьянской ближней периферии, за счет которой они жили.

Этими основными идеями не ограничивается теория большой феодальной формации. Конкретные региональные разработки, посвященные Европе II тыс. до н. э. — I тыс. н. э., Африке того же и более позднего времени, Океании и другим регионам мира, а также отдельным странам, позволяют выявить различные закономерности развития, уточнить его глобальный характер, по-новому ставить проблему исторического прогресса.

REFERENCES

1. Africa: cultural heritage and modernity [Afrika: kul'turnoe nasledie i sovremennost']. Moscow: Nauka, 1985.
2. African village yesterday and today [Afrikanskaya derevnya vchera i segodnya]. Moscow: Nauka, 1987.
3. Agrarian structures of the Eastern countries: genesis, evolution, social transformations [Agrarnye struktury stran Vostoka: genezis, evolyuciya, social'nye preobrazovaniya]. Moscow: Nauka, 1977.
4. *Belyavskij V.A.* Descendants of Ea-iluta-bani [Potomki Ea-iluta-bani] // Bulletin of Ancient history [Vestnik drevnej istorii]. 1968. № 1. P. 96–119.
5. *Belyavskij V.A.* Shattinu son of Balatsu, descendant of Bel-yau [Shattinnu, syn Balatsu, potomok Bel-yau] // Countries of the Near and Middle East (history, economy) [Strany Blizhnego i Srednego Vostoka (istoriya, ekonomika)]. Moscow: Nauka, 1969. P. 21–38.
6. *Belyavskij V.A.* Babylon legendary and Babylon historical [Vavilon legendarnyj i Vavilon istoricheskij]. Moscow: Mysl', 1971.
7. *Bryant A.T.* The Zulu People as They Were Before the White Man Came. Pietermaritzburg: Shuter and Shooter, 1949.
8. Community in Africa: problems of typology [Obshchina v Afrike: problemy tipologii]. Moscow: Nauka, 1978.
9. *Gulyaev V.I.* Mayan city-states: the structure and functions of the city in early class society [Goroda-gosudarstva majya (Struktura i funkcii goroda v ranneklassovom obshchestve)]. Moscow: Nauka, 1979.
10. *Herskovits M.J.* Dahomey: an Ancient West African Kingdom. Vol. 1–2. N.Y.: J.J. Augustin, 1938.
11. *Its R.F., Yakovlev A.G.* On the question of the socio-economic structure of the Linshan group of the «I» nationality [K voprosu o social'no-ekonomicheskom stroe lin'shan'skoj gruppy narodnosti «i»] // Community and social organization among the peoples of Eastern and South-East Asia [Obshchina i social'naya organizaciya u narodov Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Azii]. Leningrad: Nauka, 1967. P. 64–106.

12. *Klemenc D.A., Hangalov M.A.* Public hunts among the northern Buryats: (zegate-aba — hunting for wolverines) [Obshchestvennye ohoty u severnyh buryat: (zegete-aba — ohota na rossomah)] // Materials on ethnography of Russia [Materialy po etnografii Rossii]. T.1. SPb., 1910. P. 117–154.
13. *Kobishchanov Yu.M.* Spatio-temporal structures of the history of Africa [Prostranstvenno-vremennye struktury istorii Afriki] // Africa: the emergence of backwardness and ways of development [Afrika: vzniknovenie otstalosti i puti razvitiya]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1974. P. 5–46.
14. *Kobishchanov Yu.M.* African feudal societies: reproduction and uneven development [Afrikanskie feodal'nye obshchestva: vosproizvodstvo i neravnomernost' razvitiya] // Africa: the emergence of backwardness and ways of development [Afrika: vzniknovenie otstalosti i puti razvitiya]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1974. P. 85–291.
15. *Kobishchanov Yu.M.* The peasantry and the proto-peasantry in Africa [Krest'yanstvo i protokrest'yanstvo v Afrike] // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. 1982. № 1. P. 38–40.
16. *Kobishchanov Yu.M.* Small-scale production in the communal-caste systems of Africa [Melkonatural'noe proizvodstvo v obshchinno-kastovyh sistemah Afriki]. Moscow: Nauka, 1982.
17. *Kobishchanov Yu.M.* Secret religious and magical societies [Tajnye religiozno-magicheskie obshchestva] // Traditional and syncretic religions of Africa. Religions in the XX century [Religii v XX veke. Tradicionnye i sinkreticheskie religii Afriki]. M.: Nauka i iskusstvo, 1986. P. 143–158.
18. *Kottack C.P.* Ecological Variables in the Origin and Evolution of African State: the Buganda Example // Comparative Studies in Society and History, Cambridge, 1972. Vol. 14. № 3. P. 351–380.
19. *Krylov V.V.* Features of the development of productive forces and the reproductive process in developing countries [Osobennosti razvitiya proizvoditel'nyh sil i vospro-izvodstvennogo processa v razvivayushchihsya stranah] // Economics of developing countries: theory and research methods [Ekonomika razvivayushchihsya stran: teoriya i metody issledovaniya]. Moscow, 1979. P. 152–185.
20. *Lewis I.M.* Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Sano. London: International African Institute, 1955.
21. *Lhote H.* Les Touaregs du Hoggar. Paris: A. Colin, 1984.

22. Maquet J.-J. The Premise of Inequality in Ruanda: A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. London: Oxford University Press, 1961.
23. Maquet J.-J. Une hypothèse pour études des feodalités africaines // Cahier d'études africaines. Vol. 2. Issue 6. 1961. P. 292–314.
24. Stuchevskij I.A. The temple form of the royal economy of Ancient Egypt [Hramovaya forma carskogo hozyajstva Drevnego Egipta]. Moscow: Izd-vo vostochnoj literatury, 1962.
25. Tyumenev A.I. The state economy of ancient Sumer [Gosudarstvennoe hozyajstvo drevnego Shumera]. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk USSR, 1956.

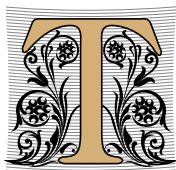

Ключевые слова:

Ю.М. Кобищанов, феодализм, теория большой феодальной формации, крестьянство, отношения владения, виды внеэкономического принуждения.

Yuri M. Kobishchanov

THE THEORY OF THE GREAT FEUDAL FORMATION

The article presents the theory of the Great Feudal Formation formulated by the historian and ethnologist Yuri M. Kobishchanov in the 50-60th years of the XX century. Within the framework of this concept, such fundamental historical phenomena as «feudalism»; the evolution of civilizations and proto-civilizations; types and subtypes of the personality of the feudal formation, including proto-peasants, classical and caste peasants; conditionally large-scale and small scale natural production, which is the main cell of the productive forces of feudalism; the incompatibility of the concepts of «property» and «ownership relations»; the interrelation of various types of non-economic coercion (state, community-caste and spiritual ones) are being reinterpreted. The article was first published in 1992 in the journal «Voprosy istorii» («Questions of History») and is being republished in connection with the death of its author on July 29, 2022.

Key words: Yuri M. Kobishchanov, feudalism, the theory of the Great Feudal formation, peasantry, ownership relations, types of non-economic coercion.

Yuri M. Kobishchanov — D.Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences.

 Кобищанов Юрий Михайлович (1934–2022)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института Африки РАН